

Введение

Независимо от идеологической поляризации, понимаемой как степени, в которой мнения партий расходятся по тому или иному вопросу политической повестки, в обществе возник и усилился новый тип раскола: простые граждане стали чаще испытывать неприязнь и ненависть по отношению к политическим оппонентам. В литературе для учёта эмоциональной составляющей, или степени, в которой сторонники одной партии не любят или не доверяют представителям другой партии в сочетании с привязанной к «своим» (ин-групповой фаворитизм), был предложен новый тип поляризации, центральный для данной работы, – **аффективная поляризация** (affective polarization). Учёные соглашаются в отношении того, что растущая поляризация в США и большинстве западных обществ наносит серьёзный ущерб демократии: в условиях отсутствия консенсуса по большинству социально-значимых вопросов политическая система оказывается в состоянии «тупика» (political gridlock), при котором принятие важных решений откладывается либо становится невозможным; в результате снижения роли механизмов конструктивного взаимодействия растёт число конфликтов с применением насилия, т.е. увеличиваются шансы локального гражданского противостояния перейти в фазу открытого вооружённого столкновения (напр., захват протестующими Капитолия 6 января 2021 года).

Началом активной дискуссии послужил опубликованный в 2014 году отчет американского Исследовательского центра Пью (The Pew Research Center), в котором был зафиксирован беспрецедентный по меркам конца 1970-х годов уровень вражды и недоверия в обществе на фоне усиления партийно-идеологического раскола. В 1994 году среднестатистический представитель Демократической партии производил на большинство сторонников Республиканской партии неблагоприятное впечатление, однако доля крайне негативно настроенных не превышала 17%. С тех пор это число увеличилось почти вдвое: 43% Республиканцев и 38% Демократов теперь относятся к своим политическим оппонентам резко негативно. Недавний опрос общественного мнения показал, что около половины (около 40%) опрошенных американцев из числа тех, кто идентифицирует себя как сторонника Республиканской или Демократической партии, согласились с утверждением о том, что их идейные оппоненты «не просто хуже для политики – они настоящее зло» (Kalmoe & Mason, 2019). На первый план выходит кампания по дегуманизации и

демонизации политического соперника, которая приводит к тому, что голосование на выборах становится безальтернативным и приобретает в глазах избирателя характер моральной дилеммы: голосовать нужно, чтобы не допустить прихода к власти деструктивных сил (в лице Республиканской или Демократической партии соответственно).

Эксперты приходят к выводу о том, что нетерпимость и предубеждения большей части американцев по отношению к партийным оппонентам приняли сегодня вид «нового» расизма, причём более опасного, чем все другие известные формы дискриминации.

Теоретическая разработанность проблемы

Несмотря на то, что наибольший рост межгрупповой вражды зафиксирован и задокументирован именно в США, тренд к росту аффективной поляризации в современных обществах является универсальным и не ограничивается исключительно американским контекстом. Настоящая теория и инструментарий строятся главным образом вокруг американского кейса, что можно объяснить:

- 1) доступностью данных;
- 2) удобным для анализа институциональным контекстом.

В США оказались накоплены в большом количестве подходящие результаты массовых социологических опросов, проводившихся регулярно с 1980-х годов под руководством «Американских национальных исследований выборов» (ANES, или American National Election Study). Более того, двухпартийность в явном виде структурирует политический процесс в США вокруг борьбы левых и правых сил, Демократической и Республиканской партий соответственно. Методы же измерения, разработанные в соответствии с таким подходом к операционализации понятия (т. е. аффективная поляризация как вражда сторонников двух идеологически противоположных партий), оказываются не применимы к анализу многопартийных систем, а также не подходят для рассмотрения иных политических контекстов, где нет строгой очерченности границ исследуемых групп.

Сегодня исследователи обращают внимание на тенденции к межпартийной вражде в демократиях на Европейском континенте, где обозначились не менее глубокие ценностно-идеологические расколы. В Великобритании в течение нескольких лет наблюдались острые политические разногласия по поводу процесса Брекзита (Brexit), исторического выхода страны из Европейского союза; чему способствовали вновь актуализировавшиеся вопросы национальной идентичности и суверенитета, мнения по которым у большей части как элит,

так и населения начали заметно расходиться. Кроме того, многие европейские страны столкнулись с вызовом со стороны популистских праворадикальных партий, открыто противопоставляющих себя истеблишменту. Они выступают против политики мультикультурализма, обращают внимание на упадок традиционной морали и снижение роли института религии. Так, во Франции широкой поддержкой пользуется праворадикальная партия Национальный Фронт.

Настоятельная необходимость оценить риски и потенциал аффективной поляризации побудили к сотрудничеству американских ученых и исследователей-компаративистов, интересующихся вызовами состоянию современной демократии, в частности со стороны праворадикальных популистов. В недавнем проекте McCoy & Somer (2019) было показано, как разные формы поляризации могут приводить к затруднению законотворческого процесса, к негибкости политической системы, т.е. к состоянию политического «тупика» (political gridlock), при котором принятие важных политических решений откладывается из-за невозможности ключевых политических акторов/групп интереса прийти к единому соглашению. В крайних случаях усиление раскола может обернуться демократическим коллапсом: упадком демократических институтов. Авторы предложили называть новый виток роста вражды и неприязни в обществе «пагубной поляризацией» («pernicious polarisation»), чтобы отличать другие социальные размежевания в обществе от наиболее опасных и серьезных свидетельств раскола (вплоть до экзистенциального противопоставления «Мы» — «Они»).

Получают распространение и другие работы: так, экономисты Леви Бокселл, Мэтью Джентзков и Джесси Шапиро провели кросс-страновое исследование, где изучали, насколько по-разному относятся респонденты в разных странах к представителям ин- (своей) и аут-группе (чужой). В Канаде, Швейцарии и Новой Зеландии аффективная поляризация не значительно, но устойчиво продолжала со временем усиливаться (Reiljan & Ryan 2019; Boxell, Gentzkow, & Shapiro 2020). Другой известный пример – исследование аффективной поляризации в израильском обществе в контексте палестино-израильского конфликта (Yarchi, Baden, & Kligler-Vilenchik 2021).

Однако разговор ведется преимущественно в плоскости механизмов, через которые поляризация подрывает демократию и методологию; главный вопрос недавнего времени состоял в том, как измерить поляризация в многопартийных системах? Сегодня ответ на него уже дан.

Литература про факторы разработана крайне слабо, в том числе предпочтение отдается экономическим причинам, в то время как важные вопросы, которые затрагивают актуализацию идеологических противоречий не изучены. Если обобщая, то среди основных причин усиления межпартийной вражды и неприязни в обществе выделяют ухудшение экономических условий (Stewart et. al., 2020), межэлитные противоречия и споры (Rogowski & Sutherland., 2016), процессы медиатизации и цифровизации (Levendusky, 2013), а также возросшую роль социальной идентификации индивида (Harteveld, 2021b; Mason, 2018).

Цель исследования состоит таким образом в том, чтобы «взглянуть» на поляризацию в Западных демократиях в сравнении с США с учетом политических, экономических и институциональных факторов, которые помогают объяснить вариацию в уровне показателя с акцентом на размежеваниях идеологического характера. По результатам работы можно будет ответить на следующие вопросы, которые особенно волнуют исследователей сегодня:

- Являются ли США исключительным и самым «выбивающимся» случаем аффективной поляризации по сравнению с западной общественностью?
- Какова взаимосвязь между идеологией и уровнем аффективной поляризации в обществе?

Формулирование гипотез

Предлагаемое в данной работе объяснение феномена аффективной поляризации состоит в том, что неприязнь и вражда в отношении политических оппонентов стали рефреном углубления идеологических разногласий на уровне элит. Так, начиная с 1970-х годов сторонники Демократической и Республиканской партий начали расходиться по ряду основных вопросов, среди которых: роль государства в экономике, образования, налогообложение, миграционная политика.

В литературе нет единого мнения относительно характера взаимосвязи уровня аффективной поляризации и степени идеологической разобщённости элит. НО появляются новые свидетельства в пользу того, что массовый рост недоверия и неприязни в обществе связан с углублением раскола внутри правящего класса и, как следствие, отражает утрату общенационального консенсуса.

В США идеологическая поляризация элит усилилась в несколько раз с 1970-ых. Так, результаты анализа поименного голосования в Конгрессе подтверждают неготовность политиков-демократов и политиков-республиканцев к сотрудничеству: в обеих палатах члены партий голосуют строго однородно. Алан Абрамовиц говорит об исчезновении «центра» (2010), т.е. об уменьшении числа идеологически умеренных граждан, что стало

прямым следствием уменьшения числа вопросов политической повестки, по которым мнения медианного Демократа и Республиканца могли быть похожи или частично совпадать.

Наша гипотеза будет выглядеть следующим образом:

H1: С увеличением идеологической дистанции (лево-правая шкала) между политическими партиями, или идеологической поляризацией, возрастает уровень аффективной поляризации в обществе

Данные и методы

Данные были взяты из проекта Сравнительного изучения избирательных систем (Comparative Study of Electoral Systems, CSES). Каждое исследование разбито на модули, которые охватывают 2-3 электоральных цикла. Замечу, что не для всех стран доступны данные за те или иные временные периоды. В итоговую выборку, в которую включались только демократии и только страны Центральной, Западной и Южной Европы, вошли 30 стран. В работе не рассматриваются политические процессы в странах Восточной Европе, поскольку они представляют иной политической контекст, для анализа которых настоящий методологический инструментарий не подходит (работает только в конкурентных избирательных системах, где и партия-власти, и оппозиция обычно имеют представительство).

Таблица 1.

Страна	Модуль 1 (1996-2001)	Модуль 2 (2001-2006)	Модуль 3 (2006-2011)	Модуль 4 (2011-2016)	Модуль 5 (2016-2021)	N
Австрия	×	×	2008	2013	2017	2
Бельгия	×	2001, 2003	×	2014	2019	4
Хорватия	×	×	2007	×	×	1
Чехия	1996	2002	2006, 2010	2013	×	5
Дания	1998	2001	2007	×	×	3
Эстония	×	×	2011	×	×	1
Финляндия	×	2003	2007	2011	2019	4
Франция	×	2002	2007	2012	2017	4
Германия	1998	2002, 2005	2009	2013	2017	5
Греция	×	×	2009	2015	2017	3
Венгрия	1998	2002	×	×	2018	3
Исландия	1999	2003	2007, 2009	2013, 2016	2017	7
Ирландия	×	2002	2007	2011, 2016	×	3
Италия	×	×	2006	×	2018	2
Латвия	×	×	2010, 2011	2014	×	3
Литва	1997	×	×	2016	×	2
Монтенегро	×	×	×	2012, 2016	×	2

Нидерланды	1998	2002	2006, 2010	×	×	4
Норвегия	1997	2001, 2005	2009	2013	2017	6
Польша	1997	2001	2005, 2007	2011	×	5
Португалия	×	2002, 2005	2009	2015	2019	5
Сербия	×	×	×	2012	×	1
Словакия	×	×	2010	2012, 2016	×	3
Словения	1996	2004	2008, 2011	×	×	4
Испания	1996, 2000	2004	2008	×	×	4
Швеция	1998	2002, 2006	×	2014	2018	5
Швейцария	1999	2003	2007	2011, 2015	×	5
Великобритания	1997	2005	×	2015	×	3
США	×	2004	2008	2012	2016	4
30	15	24	28	26	13	106

Данные имеют панельную структуру. Число наблюдений равно 106.

Таблица 2.

Переменная	Описание
Аффективная поляризация [Affect]	Индекс А. Рейлджана: разница оценок между восприятием ин-партии («своей») и аут-партии по шкале от 0 до 10, где более высокие значения соответствуют более высокому уровню неприязни (см. пример расчёта ниже) <i>Источник: CSES</i>
Идеологическая поляризация [Ideology]	Индекс А. Далтона: разница между позициями партиями на лево-правой шкале, или удаленность / дистанция в идеологическом измерении по шкале от до 10, где более высокие значения говорят о несовпадении партийных повесток по большинству социально-значимых вопросов (от экономики до культуры) <i>Источник: CSES и Manifesto Project</i>
Величина (магнитуда) избирательного округа [DistMagnitude]	Число кандидатов, избранных от каждого округа: в мажоритарных избирательных системах показатель равен единице, т.е. от округа избирается один; в остальных случаях более высокие значения говорят о пропорциональности результатов. *Для приближения распределения к нормальному было произведено логарифмирование (для мажоритарных систем – 0) <i>Источник: Dataset Democratic Electoral Systems Around the World, 1946-2020 (Bormann & Golder's 2013)</i>
Коэффициент Джини [Gini]	Показатель экономического неравенства: распределения дохода или богатства между членами общества; стандартизирован <i>Источник: База данных Всемирного банка</i>
Безработица [Unemployment]	Процент незанятых от общей численности рабочей силы <i>Источник: База данных Всемирного банка</i>
Явка на выборах [Voterturnout]	Процент проголосовавших от общего числа избирателей <i>Источник: База данных Всемирного банка</i>

Данные были собраны и агрегированы вручную. Некоторые переменные были преобразованы: так, показатель величины (или магнитуды) избирательного округа был прологарифмирован из-за наличия больших в абсолютном выражении положительных значений; показатель идеологической поляризации был центрирован для удобства интерпретации.

В качестве объясняющих переменных – поляризация элит по экономическим и культурным вопросам. Для контролей отобраны институциональный контекст (тип избирательной системы), а также уровень неравенства и безработицы

Для того, чтобы измерить позицию Партии на классической лево-правой шкале используется индекс партийной поляризации Далтона (2008).

Пояснения:

Система и институты избирательного права как структурная особенность/специфика разных стран определяют в общем виде конфигурацию поля политической борьбы, т.е. расстановку и соотношение ключевых сил, что определяет возможность создания коалиций/потенциал консенсусной модели.

Необходимо учесть, что в условиях фрагментированности парламента возникают общепартийные коалиции. Лейпхарт (2012) утверждает, что пропорциональная избирательная система и коалиционное правительство как результат поощряют диалог и сотрудничество, способствуя «доброй, мягкой» политике. Это связано с тем, что сторонники правящей партии склонны более тепло относиться к своим партнёрам по коалиции, даже если идеологически они остаются их оппонентами. Для учета специфики электоральных институтов будет взят показатель представительства (logged average district magnitude), который обозначает степень, в которой конфигурация парламента тяготеет к мажоритарному (более низкие значения) или пропорциональному (более высокие значения) принципу распределения мест. Мажоритарные избирательные системы в выборке представлены США, Великобританией, Канадой, Австралией и Францией, территория которых разбивается на одномандатные избирательные округа и для которых логарифм показателя представительства равен нулю. Данные взяты из базы данных, подготовленной по итогам проекта сравнительного исследования избирательных демократических систем за 1946-2016 год.

Кроме того, в контексте изучения электоральных процессов следует проконтролировать показатель явки на выборах. Традиционно для поляризации контролируются также уровень экономического неравенства и процент безработицы: с ухудшением экономического положения связано увеличение уровня аффективной поляризации, поэтому чтобы оценить, какой вклад в объяснение изменчивости показателя вносят именно причины политические, т.е. идеологическая поляризация, следует их включить в модель.

Для измерения аффективной поляризации американские исследователи используют технику вопросов «термометров», которые измеряют восприятие респондентом аут-группы (out-group), или противоположной группы/партии по шкале от «0» (холодно) до «100» (тепло). Данный метод, однако, не подойдет для анализа многопартийных систем, т.е. для подавляющего большинства. Выбор контрольных переменных (+ схему нарисовать) европейских стран, где вариация для доли числа голосов, отданных за ту или иную политическую партию, больше; США как пример двухпартийной системы с ярко

выраженным президентским правлением, являются, скорее, исключением, нежели закономерностью. До сих пор вопрос о сопоставимости темпов аффективной поляризации в США и странах Европы остаётся нерешенным, чему в частности способствуют методологические ограничения.

Настоятельная необходимость оценить возросшие риски и издержки, связанные с усилением аффективной поляризацией в мире, побудили американских учёных к сотрудничеству с исследователями-компаративистами: так, был разработан индекс АП (здесь и дальше для обозначения аффективной поляризации), который учитывает: 1) ин-групповой фаворитизм, или то, как сторонники партии А оценивают самих себя и свою группу (in-group liking) и аут-групповую неприязнь, или то как сторонники партии А оценивают своих политических оппонентов, т.е. партию В (out-group like); 2) удельный вес («размер») партии в системе.

Для демонстрации алгоритма рассчитаем индекс АП для США за 2012 год, который соответствует выборам в Палату представителей (*в настоящей работе рассматриваются исключительно парламентские выборы, поскольку основной предмет интереса – партии и взаимоотношения между ними, а не кандидаты):

АП для Партии

$$AP_n = \sum_{m=1}^N \left[(Like_n - Like_m) \times \left(\frac{Vote\ share_m}{1 - Vote\ share_n} \right) \right]$$

Т.е. в многопартийной системе с N партиями индекс АП для каждой партии в отдельности будет рассчитываться как сумма скорректированных разностей между значениями «термометра» восприятия для ин-партии и аут-парти(й) соответственно. Иными словами, на каждом шаге из среднего значения оценок респондентами «своей» партии вычитается среднее значение оценок «чужой» партии. Затем необходимо скорректировать результат с учетом того, как распределились бы голоса между двумя партиями при условии, что других партий в системе нет (случай двухпартийности).

В 2012 году среднее значение ин-группового фаворитизма, или того, как оценили себя сторонники Демократической партии, составило 8.25, а для Республиканской партии – 7.34. Что касается аут-групповой неприязни, то Демократы «любят» Республиканцев на уровне 3.09 значений шкалы-«термометра», а Республиканцы еще ниже – на уровне 2.91.

	Ин-группа (In-group liking)	Аут-группа (Out-group liking)	Доля голосов	Разница
Демократы (Dem)	8.25	3.09	0.506 (48.8)	$8.25 - 3.09 = 5.16$
Республиканцы (Rep)	7.34	2.91	0.494 (47.6)	$7.34 - 2.91 = 4.43$

Для Демократической партии $AP = 5.16 \times (0.494/(1-0.506)) = 5.16$

Уровень АП для страны в целом будет рассчитываться как:

$$AP = 5.16 \times 0.506 + 4.43 \times 0.494 = \mathbf{4.80}$$

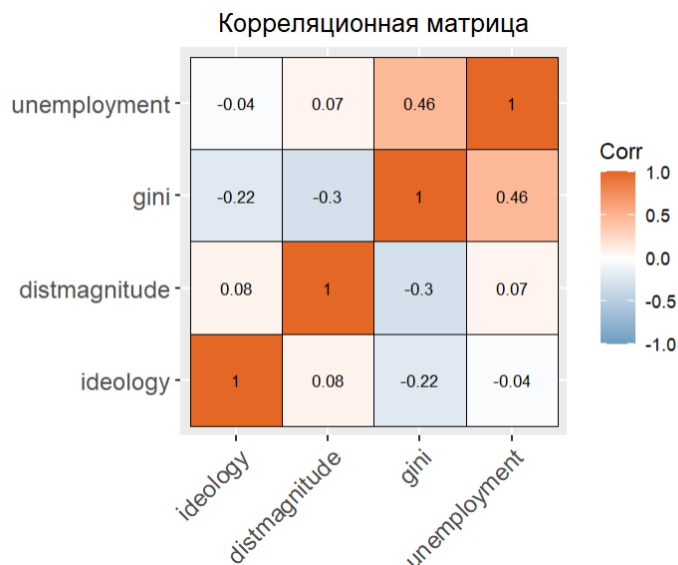
i. Описательные статистики для объясняющих переменных (N = 106):

	Среднее	Стандартное отклонение	Минимум	Максимум
Идеологическая поляризация (LR Polarization)	3.71	0.96	0.97	5.85
Коэффициент Джини	30.89	4.38	22.40	41.20
Величина (магнитуа) избирательного округа	1.97	1.34	0.00	5.52
Безработица	8.42	5.16	2.18	24.90
Явка избирателей	68.15	12.09	40.57	91.63

Можно заметить, что все показатели, в частности такие индикаторы, как коэффициент Джини и процент безработного населения, а также показатель явки на выборах в федеральный парламент, отличаются *вариативностью*, т.е. изменчивы по выборке. Меня может интересовать, как во временной перспективе изменяется уровень аффективной поляризации в отдельно взятой стране в ответ на изменение соответствующего предиктора.

Между большинством переменных также не наблюдается сильной корреляции (больше 0.5), поэтому беспокоиться о возникновении в модели мультиколлинеарности не приходится. Более всего скоррелированы экономические индикаторы: коэффициент Джини и уровень безработицы, однако характер их взаимосвязи естественнее, не превышает значение в 0.5.

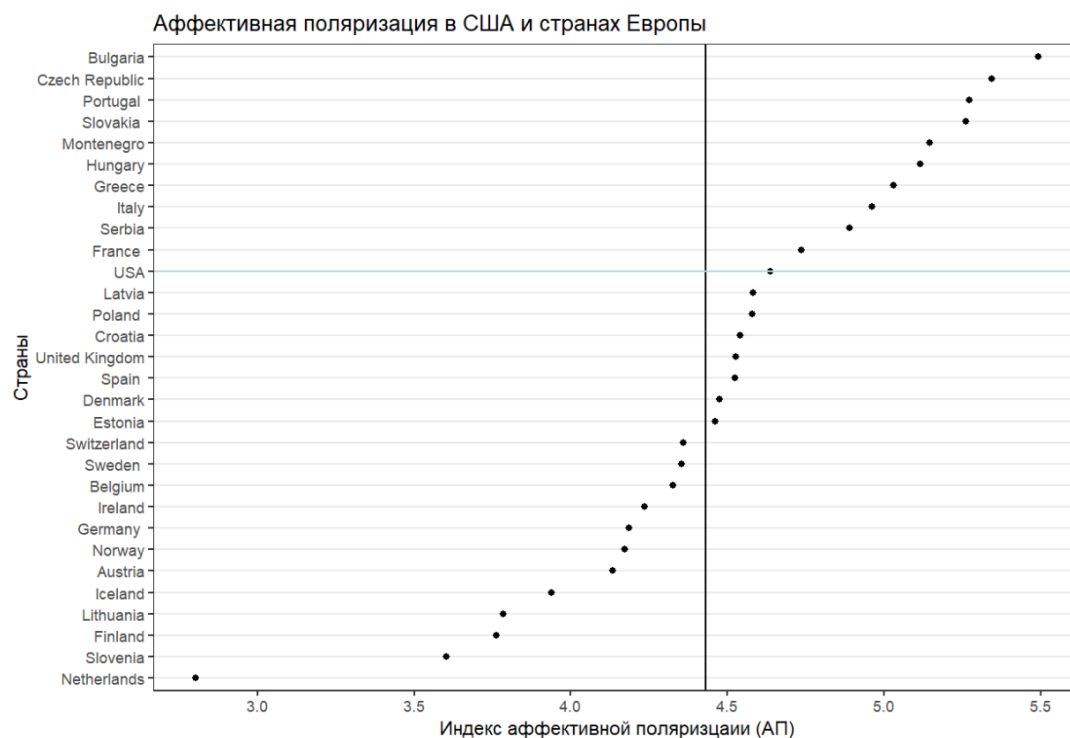
Рис 1.

Если смотреть по странам, то наибольший разброс в значениях показателя идеологической поляризации, т.е. ключевого предиктора, наблюдается в Польше ($sd = 1.00$), Португалии ($sd = .97$), Словении ($sd = .74$), Франции ($sd = .66$), Великобритании ($sd = .58$), Греции ($sd = .56$), Австрии ($sd = .54$) и Литве ($sd = .54$), Будем иметь в виду, что при обращении к FE-модели на пространственные единицы эти страны будут вносить наибольший вклад в формирование оценки коэффициента при соответствующем предикторе, а значит не для всех стран в выборке (в особенности для тех, для которых доступен только один временной период) будет одинаково справедлив итоговый вывод.

Визуализируем также различия в средних значениях уровня аффективной поляризации в разных странах, чтобы понять: являются ли США самым «поляризованным» кейсом, как это отражает существующая на данный момент литература по теме:

Рис 2.

Вертикальная линия соответствует среднему значению уровня аффективной поляризации по всей выборке. Исходя из этого – США «перешагивают» среднее значение, т.е. попадают в группу стран с уровнем аффективной поляризации выше среднего, однако представляют в рассматриваемой выборке не самый крайний случай; выше расположились сразу несколько стран: Франция, Сербия, Италия, Греция, Венгрия, Монтенегро, Словакия, Португалия, Чехия и Болгария. В 2014 году в Болгарии на Парламентских выборах в 43-е Национальное собрание был зафиксирован самый высокий уровень аффективной поляризации в Европе – 6.68 единиц, т.е. в среднем сторонники различных партий выражали неприязнь по отношению к своим политическим оппонентам выше сразу на 2-3 деления по шкале-«термометру» (от 0 до 10), чем в целом по Европе. Самый низкий уровень аффективной поляризации в Европе наблюдается в Нидерландах, причем с большим отрывом от остальной части «списка».

Посмотрим также на распределение показателя по отдельным регионам в соответствии с классификацией, которая предложена Европейским Союзом (EuroVoc):

В группу стран (1) Центральной и Восточной Европы входят: Болгария, Хорватия, Чехия, Эстония, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Сербия, Словакия и Словения.

В группу стран (2) Северной Европы входят: Дания, Финляндия, Исландия, Ирландия, Норвегия, Швеция и Великобритания.

В группу стран (3) Южной Европы входят: Греция, Италия, Монтенегро, Португалия и Испания.

В группу стран (4) Западной Европы входят: Австрия, Бельгия, Франция, Германия, Нидерланды и Швейцария.

В отдельной группе (0) США.

Регион	Число стран	Число наблюдений	Средний уровень АП	Явка избирателей
Центральная и Восточная Европа	11	29	4.69	59.03
Северная Европа	7	33	4.15	76.53
Южная Европа	5	16	4.99	67.93
Западная Европа	6	24	4.09	68.20
США	1	4	4.64	65.75

Регионы Центрально-Восточной и Южной Европы отличаются более высоким уровнем аффективной поляризации: заметим, что большинство стран из двух групп относятся к посткоммунистическим, т.е. здесь сложилась иная политическая культура и практики (что находит отражение в таких моделях политического поведения как абсентеизм), при том что многие проблемы социально-экономического характера остаются нерешенными. Сравнительно «спокойнее» в странах Скандинавии и Западной Европы, которые являются уже устоявшимися, или консолидированными демократиями.

ii. Объяснение изменчивости

Главное предположение, или гипотеза данной работы заключается в том, что идеологические разногласия на уровне элит (ключевых партий в Парламенте), связаны и/или усиливают аффективную поляризацию, выражающуюся в росте вражды и неприязни между сторонниками партий (на уровне «масс»).

Исходя из результатов разведывательного этапа (т.е. представление описательных статистик и визуализация различий в уровне АП по странам), а также содержания гипотезы,

есть сразу несколько оснований использовать модель с фиксированными эффектами на пространство, или FE-модель на пространственные единицы:

1. Меня интересует не межстрановая, а временная перспектива: то, как изменяется уровень аффективной поляризации в отдельно взятой стране со временем в ответ на изменение ключевой объясняющей переменной, т.е. индекса идеологической поляризации (лево-правая шкала). Для этого необходимо учесть, или проконтролировать все неизменяющиеся во времени характеристики на уровне стран, которые отвечают за специфику объекта выборки и определяют различия в стартовых условиях.
2. Меня интересует в среднем (одинаковый) эффект идеологии на аффективную поляризацию в странах Европы и США: взаимосвязь предиктора и отклика остаётся постоянной и не меняется, но различаются константы, т.е. средние значения уровня АП в каждой отдельно взятой стране.
3. Я работаю со специфической выборкой: так, из рассмотрения исключаются неевропейские страны, а также недемократии; анализ поляризации в неконкурентных политических системах требует другого методологического подхода.

Результаты:

В Таблице представлены результаты оценивания двух моделей: 1) модели, не учитывающей страновую специфику (она же Pooled-модель); 2) FE-модели, или модели с фиксированными эффектами на пространство.

В первом случае коэффициенты значимы, однако есть основания предполагать, что такой результат есть следствие завышенного значения t-статистики из-за большого размера выборки ($N = 106$). Полагаться на такой результат не стоит, поэтому обратимся сразу к модели с фиксированными эффектами: поскольку нас интересует взаимосвязь (наши гипотеза и ключевой вопрос поставлены во временной перспективе), то стоит выбрать модель с внутригрупповым преобразованием.

Кроме того, формальные тесты (F-test) и тест Хаусмана также показали, что на имеющихся данных предпочтительнее использование FE-модели, нежели pooled-regression, а также лучше использования модели со случайными эффектами. Ранее я уже приводила содержательные обоснования по этому поводу.

Несмотря на то, что многие коэффициенты в модели перестали быть значимы, коэффициент при ключевом предикторе остался значим. Можем допустить, что идеологические

разногласия значимым образом положительно влияют на уровень аффективной поляризации: в среднем при увеличении показателя идеологической поляризации на единицу измерения аффективная поляризация увеличивается в ответ на 0.209 делений по шкале-«термометру». Т.е в среднем неодобрение и неприязнь деятельности политических оппонентов будут расти на 0.209 при прочих равных.

Коэффициент детерминации модели мал: предложенный фактор объясняет не более 10% исходной вариации в данных, однако такой результат относительно предыдущих работ по теме, где идеология не рассматривалась вовсе или была незначима) выглядит оптимистично.

Стоит отметить, что контрольные переменные несут очень мало предсказательной силы.

Table 1:

	<i>Dependent variable:</i>	
	affect	
	(1)	(2)
ideology	0.261*** (0.063)	0.209** (0.092)
distmagnitude	-0.036 (0.047)	-0.030 (0.181)
gini	0.050*** (0.018)	0.004 (0.032)
unemployment	0.024* (0.014)	-0.013 (0.017)
voterturnout	-0.006 (0.005)	-0.010 (0.012)
Constant	3.165*** (0.774)	
Observations	106	106
R ²	0.288	0.092
Adjusted R ²	0.252	-0.343
F Statistic	8.081*** (df = 5; 100)	1.441 (df = 5; 71)

Note: *p<0.1; **p<0.05; ***p<0.01

FE-модель на пространственные единицы оказывается предпочтительнее как по содержательному обоснованию, так и по результатам формальных тестов (F-тест для сравнения Pooled модели и FE-модели – различия в стартовых условиях есть). Стоит отметить, что альтернативный вариант оценивания данных с неоднородной структурной в виде RE не подойдет по содержательным соображениям: те значимые характеристики на уровне стран (неизменяющиеся во времени), которые мы пропускаем уходят в ошибку, но

в данном случае они будут вероятно скоррелированы с предикторами, т.е. есть риск возникновения эндогенности и получения оценок со смещением.

Тем не менее тут же возникают следующие проблемы:

1. При оценивании FE-модели с поправкой на гетероскедастичность, с учетом рассчитанных робастных стандартных ошибок коэффициент при показателе идеологической поляризации перестаёт быть значим.
2. Результаты слабо воспроизводятся на усеченной выборке.

К дискуссии:

По результатам настоящей работы можно быть уверенным в одном: нет оснований отказывать аффективной поляризации в статусе глобального тренда; ни теоретически, ни территориально концепт более не привязан к США. Так, пик межпартийной вражды за период с 1996 по 2019 год пришёлся на Болгарию, которую традиционно относят к странам Центральной и Восточной Европы. Предварительный анализ также показателен: действительно, аффективная поляризация в большинстве европейских стран со временем значительно усилилась. Нерешенным, однако, остаётся следующий вопрос: насколько этот рост обусловлен расхождением программ партий, или идеологической поляризацией? По сравнению с предыдущими исследованиями, где взаимосвязь идеологических разногласий и уровня вражды тестировалась только на выборке стран-участниц ОЕСД или в отдельно взятой стране (напр., в США), можно сказать следующее: если на выборках меньшего размера показатель был всегда незначим, то при её расширении (т.е. при включении стран других европейских регионов за исключением стран Восточной Европы) значимость растёт! Тем не менее результаты оказываются неустойчивы к исключению наблюдений, для которых наблюдаемые и предсказанные значения уровня аффективной поляризации плохо скоррелированы. Что это значит?

Здесь может быть несколько направлений для рассуждения:

1. Методология: Идеология важна, но обладает малой предсказательной силой в консолидированных демократиях, где размежевания выходят за рамки традиционной «лево-правой» шкалы; большая часть межстрановых различий таким образом остаётся необъясненной, и поэтому необходимо искать другие подходы к операционализации понятия.
2. Идеология vs Affect: Аффективная поляризация представляет иной тип социального размежевания, источник усиления которого состоит не в идеологии, а в социальных идентичностях индивида. Некоторые исследователи говорят о независимости двух явлений и, как следствие, об отсутствии взаимосвязи между идеологией и аффектом. Неустойчивость результатов настоящей модели будет свидетельством в пользу данной точки зрения.
3. Идеология – модератор эффекта, а не ключевой предиктор. Другие исследователи настаивают на включении идеологии как модератора при остальных переменных.

Литература и список источников

Русскоязычные:

1. Стукал Д.К., Ахременко А.С., Петров А.П. (2022) Аффективная политическая поляризация и язык ненависти: созданы друг для друга? Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология, 24(3), 480–498.
<https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-480-498>

Англоязычные:

2. Banda, K. K., Cluverius, J. (2018). Elite polarization, party extremity, and affective polarization. *Electoral Studies*, 56, 90-101. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2018.09.009>
3. Bobok, D. (2016). Selective exposure, filter bubbles and echo chambers on Facebook. Central European University Department of Political Science.
<https://doi.org/10.1108/01443580911001797>
4. Boxell, L., Gentzkow, M., & Shapiro, J. M. (2020). Cross-country trends in affective polarization. *The Review of Economics and Statistics*, 1-60. <https://doi.org/10.1162/resta01160>
5. Druckman, J., Klar, S., Kkrupnikov, Y., Levendusky, M., & Ryan, J. B. (2020). The political impact of affective polarization: how partisan animus shapes COVID-19 attitudes.
<https://doi.org/10.31234/osf.io>
6. Fiorina, M. P., & Abrams, S. J. (2008). Political polarization in the American public. *Annual Review of Political Science*, 11, 563-588.
<https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.11.053106.153836>
7. Harel, T. O., Jameson, J. K., & Maoz, I. (2020). The normalization of hatred: Identity, affective polarization, and dehumanization on Facebook in the context of intractable political conflict. *Social Media + Society*, 6(2). <https://doi.org/10.1177/2056305120913983>
8. Iyengar, S., Sood, G., & Lelkes, Y. (2012). Affect, not ideology a social identity perspective on polarization. *Public opinion quarterly*, 76(3), 405-431. <https://doi.org/10.1093/poq/nfs038>
9. Kirilenko, A. P., Molodtsova, T., & Stepchenkova, S. O. (2015). People as sensors: Mass media and local temperature influence climate change discussion on Twitter. *Global Environmental Change*, 30, 92-100. <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2014.11.003>
10. Lelkes, Y. (2016). Mass polarization: Manifestations and measurements.
11. Lelkes, Y. (2021). Policy over party: comparing the effects of candidate ideology and party

on affective polarization. *Political Science Research and Methods*, 9(1), 189-196.

<https://doi.org/10.1017/psrm.2019.18>

12. Pew Research Center. Political Polarization in the American Public (2014). URL:

<https://www.pewresearch.org/politics/2014/06/12/political-polarization-in-the-american-public/>

(дата обращения: 30.11.2022).

13. Reiljan, A., & Ryan, A. (2021). Ideological tripolarization, partisan tribalism and institutional trust: The foundations of affective polarization in the Swedish multiparty system. *Scandinavian political studies*, 44(2), 195-219. <https://doi.org/10.1111/1467-9477.12194>

14. Siegel, A. A. (2020). Online hate speech. In J. Tucker & N. Persily (Eds.), *Social Media and Democracy: The State of the Field*. Cambridge: Cambridge University Press.

15. Tajfel, H., Turner, J. C., Austin, W. G., & Worchel, S. (1979). An integrative theory of intergroup conflict.

16. Wagner, M. (2021). Affective polarization in multiparty systems. *Electoral Studies*, 69, 102199. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2020.102199>